N 61ª
379

N 61/2 379

ЮБИЛЕЙ

ТРЕХСОТЛѢТІЯ БРЕСТСКОЙ УНІИ

ВО ЛЬВОВѢ

и

Столѣтняя борьба противъ нея въ Галицкой Руси.

Рѣчь, произнесенная проф. И. С. Пальмовымъ въ братствѣ Пресв. Богородицы 1 декабря 1896 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1897.

№ 612/379

ЮБИЛЕЙ

ТРЕХСОТЛѢТІЯ БРЕСТСКОЙ УНІИ

ВО ЛЬВОВѢ

и

Столѣтняя борьба противъ нея въ Галицкой Руси.

Рѣчь, произнесенная проф. И. С. Пальмовымъ въ братствѣ Пресв. Богородицы 1 декабря 1896 года.

XXI-7064

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1897.

Извлечено изъ „Христ. Чтенія“ VI вып. за 1897 годъ.

2007059153

Типо-литографія Ив. Ѳ. Пухира, Телѣж. пер. д. № 3—5.

ПОЛУЧИВЪ приглашеніе говорить въ собраніи братства Пресв. Богородицы, я остановился на одномъ, не лишенномъ и современнаго значенія, вопросѣ, который касается историческихъ отношеній нашихъ ближайшихъ соплеменниковъ—русскихъ галичанъ къ брестской уніи въ періодъ насильственнаго ея зведенія въ границахъ бывшаго польско-литовскаго государства. Я остановился на томъ незаслуженно забытомъ уголкѣ заграничной Руси, который — къ сожалѣнію — всего менѣе интересуетъ наше общество, чуткое обыкновенно не только къ общеевропейскимъ явленіямъ, но и къ движеніямъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Азіи, Африки, Америки, даже Австраліи и пр. Не мѣсто здѣсь входить въ объясненіе причинъ такого рода отношеній общества нашего къ сосѣдней единоплеменной, а до недавняго (сравнительно) времени и единовѣрной намъ Галичинѣ или иначе — Червонной Руси. Я думаю, что немощь народнаго духа въ высшихъ образованныхъ слояхъ нашего общества или — какъ принято короче называть—въ нашей интеллигенціи была и въ данномъ случаѣ причиною забвенія или—можетъ быть справедливѣе сказать—временнаго помраченія у насъ сознанія кровныхъ связей съ плѣненными и порабощенными братьями. Но, во всякомъ случаѣ, ихъ исторія, неразрывно связанная по своему началу съ направленіемъ обще-русской жизни (въ кіевскій періодъ русской исторіи), равно и тяжелая, даже болѣе — злосчастная ихъ современность какъ результатъ прошлыхъ историческихъ связей съ католической Польшей, представляютъ много данныхъ, которыми—скажемъ

ихъ правъ львовское братство получило еще право содержать типографію для печатанія священныхъ, богослужебныхъ, нравоучительныхъ и учебныхъ книгъ, а также завести и школу для обученія христіанскихъ дѣтей всякаго общественнаго положенія и состоянія.

Получивъ всѣ эти права и преимущества, братство тотчасъ же начало свою плодотворную дѣятельность. Вскорѣ оно пріобрѣло типографію, которую ранѣе открылъ въ Львовѣ (въ 1570 г.) извѣстный русскій первопечатникъ Иванъ Ѳеодоровъ, заложившій ее, вслѣдствіе собственныхъ недостатковъ, львовскому еврею Израилю Якубовичу (ок. 1583 г.). Типографія необходима была въ ту пору главнымъ образомъ въ виду ощущавшагося тогда въ Галицкой и вообще во всей юго-западной Руси недостатка въ священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгахъ, которыя враги православія истребляли съ неимовѣрною жестокостью и фанатизмомъ, необходима она была и для удовлетворенія общей потребности въ духовно-просвѣтительныхъ книгахъ въ защиту православія и для отраженія иновѣрной пропаганды латинства, протестантства и пр. И дѣйствительно, впослѣдствіи изъ этой типографіи выпущены были многочисленныя изданія священныхъ и церковно-богослужебныхъ книгъ, полемическихъ противъ уніи и латинства сочиненій, учебныхъ и другихъ религіозно-нравственнаго содержанія книгъ.

Далѣе, въ первый же годъ своего преобразованія братство открыло школу [1]). Благодаря усердію всѣхъ членовъ братства, жертволюбію «всего посполитого народа россійскаго, даже и до убогихъ вдовицъ», школа достигла извѣстной степени благоустройства. Въ школу принимались дѣти всѣхъ состояній, бѣдные и сироты учились даромъ. Программа школы была довольно широкая. Дидаскалъ школы долженъ былъ учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ и другимъ наукамъ внѣшнимъ, а также и «отъ святого Евангелія и отъ книгъ Апостольскихъ», давать уроки пасхаліи, ариѳметики и церковнаго пѣнія. Въ нравственно-воспитательномъ отношеніи требованія устава были довольно опредѣленны и строги. Дидаскалъ долженъ быть въ нравственномъ от-

---

[1]) Уставъ львовской братской школы изданъ отдѣльно *Я. Ѳ. Головацкимъ* (Львовъ 1863 г.). См. также „Галичанинъ“ (Литературный сборникъ) 1863 г., вып. II, 72—78. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи II, № 154 (стр. 181—4).

ношеніи образцомъ для своихъ учениковъ: онъ долженъ быть благочестивъ, разуменъ, смиренномудренъ, кротокъ, воздерженъ, не пьяница, не блудникъ, не лихоимецъ, не сребролюбецъ, не гнѣвливъ, не завистливъ, не срамословецъ, не чародѣй, не пособникъ ересямъ, но споспѣшникъ благочестія и вообще долженъ быть образцомъ всѣхъ добродѣтелей въ примѣръ и назиданіе своимъ ученикамъ (§ 1 устава). И школа должна развить въ ученикахъ истинно-христіанское настроеніе. Съ этою цѣлію уставъ предлагаетъ соотвѣтствующія учебно-воспитательныя средства, которыя укрѣпляютъ въ учащихся православное христіанское настроеніе, религіозное чувство и волю къ дѣланію всего добраго согласно съ требованіями православно-христіанскаго ученія и нравственности [1]). Устроенная на такихъ началахъ школа предназначена была воспитывать людей твердыхъ въ православной вѣрѣ, крѣпкихъ борцовъ и защитниковъ православія, которые были столь необходимы въ особенности въ тогдашнее тяжелое для православныхъ время. И львовская школа оправдала свое назначеніе. Изъ нея вышли такіе замѣчательные въ то время представители и защитники православія, какъ напр.: *Іовъ Борецкій*, который въ 1620 г. былъ возведенъ на кіевскую митрополичью каѳедру; *Исаія Копинскій*, рукоположенный въ 1620 г. сначала въ санъ перемышльскаго епископа, а въ 1631 г. ставшій кіевскимъ митрополитомъ († 1641 г.); *Іеремія Тиссаровскій*, избранный львовскимъ братствомъ и народомъ, послѣ смерти Гедеона Балабана (въ 1607 г.) въ епископа львовскаго; *Сильвестръ Коссовъ*, бывшій первымъ пре-

---

[1]) Напр.: „Рано ея шедши вси на годину назначенную не маютъ початись учити, ажъ молитвы и предисловіе обычны проговорятъ. Речено бо: въ началѣ дѣла твоего Бога поминай“ (§ 8). „По вечерни въ суботу маетъ дидаскалъ зъ дѣтьми намовлятися часъ немалый, болше нижъ въ дни иные, учачи ихъ страху Божіему и обычаемъ встыдливымъ младенческимъ, яко маютъ быти во церкви противъ Богу, дома противъ родичовъ своихъ и инде инымъ, цноту и встыдъ заховывати, Богу мовлю и его святымъ честь и страхъ, родичови и дидаскалови послушенство, посполите противъ всѣмъ покору и уваженя, собѣ самому встыдъ и цноту“... (§ 14). „Въ недѣлю и въ праздники Господскія со всѣми маетъ дидаскалъ, поки пойдутъ до литургіи, розмовляти и ихъ учити о святѣ и празднику томъ и учити ихъ волѣ Божіей, а по обѣдѣ евангелію и апостолу праздника маетъ всѣхъ научити: блаженъ бо, рече, поучаяйся закону Господню день и нощь“ (§ 15). „Если бы и самъ учитель или отъ ученикъ нѣкто былъ творцемъ речий тыхъ, ихже законъ не повелѣваетъ, но обаче и претитъ, сиречъ блудникъ, пияница, тать, кощунникъ, нерадивъ, сребролюбецъ, клеветникъ, величавый,—таковый не толико учителемъ, но ниже жителемъ здѣ отнюдъ да не будетъ“ (§ 20).

На свою слезную просьбу братство получило 1450 злотыхъ и отослало эту сумму въ Варшаву. Но дѣло братчиковъ— какъ и въ другихъ случаяхъ—не имѣло успѣха: привезенные и присланные подарки оказались напрасными. Тѣмъ не менѣе обращенія братчиковъ къ правительству имѣли иногда нѣкоторый временный успѣхъ: останавливали, по крайней мѣрѣ на время, постоянно надвигавшуюся грозу, хотя и цѣною большихъ денежныхъ затратъ на подкупы, подарки и пр. Все это требовало отъ православныхъ особаго напряженія матеріальныхъ средствъ, которыя мало по малу стали изсякать и недостатокъ которыхъ послужилъ между прочимъ одною изъ причинъ вынужденнаго признанія львовскимъ братствомъ уніи (2 мая 1708 г.). Первый уніатскій львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій, чтобы склонить непокорное львовское братство къ уніи, подорвалъ матеріальные рессурсы братской типографіи открытіемъ новой типографіи Юрьевской и такимъ образомъ лишилъ братство главнаго источника содержанія: волей-неволей, подъ вліяніемъ епископскаго и правительственнаго гнета, при невозможности имѣть общеніе съ патріархомъ, оно, будучи предоставлено теперь своимъ единственнымъ силамъ, должно было согласиться на унію. Но, признавъ унію, братство все-таки продолжало—насколько могло— охранять чистоту восточнаго обряда отъ окончательнаго поглощенія его латинствомъ. Теперь на мѣстѣ прежняго братства существуетъ Ставропигійскій институтъ (съ 1788 г.), за которымъ оставлены нѣкоторыя изъ привиллегій прежняго братства. Авторъ «Лѣтописи львовскаго братства», описывая судьбу его отъ самаго начала его учрежденія до 1793 г., въ заключеніи справедливо говоритъ: «До сихъ поръ стоитъ этотъ вѣковой уже изветшавшій дубъ, который, въ ожиданіи временъ лучшихъ, теряя вѣтвь за вѣтвію, претерпѣлъ столько бурь, и кое-какъ еще пускаетъ зеленые побѣги» [1]). Но

женный отъ лица Божія ратунокъ своимъ одъ всюду подали и вставали противно отцомъ езунтомъ, не дали взяти школи собѣ албо божници своей жидовской въ Львовѣ. Намъ теды бовѣмъ не божницю жидовскую берутъ, але всенародное христіанское набоженство и волности вышпотити усилуютъ... А претожъ мы послали семо просячи унижене о милостивые баченя и поратованя, на такъ важную потребу всѣхъ васъ посполитье. Подайте руку помощи з милостивой ласки вашой, или въ мѣсто милостинѣ, или въ способъ пожичаный... За що и самъ Богъ зъ высокого маестату своего заплатою будетъ и тая посполитая потреба вѣчной памяти васъ сподобитъ"...

[1]) *Зубрицкій*, Лѣтопись львовскаго братства, 1793 г.

увы! И эти «зеленые побѣги» мало-по-малу засыхаютъ вслѣдствіе отсутствія здоровыхъ питательныхъ соковъ въ корню, подрытомъ и изъѣденномъ польско-іезуитской червоточиной.

Другой дѣйствовавшій въ Галицкой Руси противъ брестской уніи и латинства историческій факторъ—это православная галицко-русская іерархія: православные епископы львовскіе и премышльскіе съ подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ были также въ числѣ главныхъ борцовъ противъ уніи въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія. Даже болѣе: послѣ брестскаго собора они остались единственными православными епископами для всей юго-западной Руси въ границахъ бывшей Рѣчи Посполитой. Всѣ остальные владыки (еп. владимірскій Ипатій Поцѣй, еп. луцкій Кириллъ Терлецкій, архіеп. полоцкій Германъ, еп. холмскій Діонисій и еп. пинскій Іона во главѣ съ митр. Михаиломъ Рагозою) признали унію и ревностно стремились привести къ ней и оставшуюся вѣрною православію Червонную Русь. Уже на православномъ соборѣ въ Брестѣ, собранномъ въ противовѣсъ уніатско-латинскому, оставшійся вѣрнымъ православію епископъ львовскій Гедеонъ Балабанъ въ своей вступительной рѣчи говорилъ: «Мы привязаны крѣпкой любовью къ нашей матери, святой Божіей восточной церкви, и къ принятымъ отъ нея обычаямъ и догматамъ. Въ ней мы желаемъ пребывать до послѣднихъ минутъ своей жизни и за нее мы готовы умереть» [1]). Такъ онъ самъ и всѣ его единомышленники и поступали впослѣдствіи, полагая всѣ свои усилія для защиты вѣры отцовъ въ борьбѣ съ уніей и латинско-польскими насиліями. Общую программу борьбы они намѣтили тотчасъ же въ моментъ брестскихъ соборныхъ засѣданій. Не явившихся на соборъ отступниковъ православія—митрополита и вышеупомянутыхъ владыкъ, принявшихъ унію, они предали заочному суду и приговорили ихъ къ низложенію съ епископскихъ каѳедръ, лишивъ ихъ «архіерейскаго сана, епископскихъ правъ, епископскаго имени и даже духовнаго званія», о чемъ дали знать принявшимъ унію епископамъ и сообщили въ особой грамотѣ, подписанной между прочимъ двумя православными галицко-русскими епископами (львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ

---

[1]) Ekthesis, abo krótkie zebranie spraw, które sie działy na partykularnym to jest pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim (w Krakowie 1597), стр. 5—6.

вынуждено было признать унію, покорившись грубой и коварной силѣ своихъ неисправимыхъ враговъ. Вмѣстѣ съ православными львовскими епископами боролись противъ брестской уніи и перемышльскіе православные епископы. Изъ нихъ наиболѣе сопротивленія оказалъ уніи и рѣшительнѣе дѣйствовали въ защиту православія современникъ и сотрудникъ еп. Гедеона Балабана, перемышльскій еп. Михаилъ Копыстенскій, который продолжалъ свои неусыпныя архипастырскія заботы о православіи до самой своей смерти (1610 г.), такъ что, когда онъ умеръ, въ его епархіи не было ни одного уніата [1]). Изъ православныхъ преемниковъ его наиболѣе пришлось вести борьбу съ уніатами въ защиту православія перемышльскому епископу Антонію Винницкому. Послѣдній съ 1650 г. по 1679 годъ неутомимо раздѣлялъ свои труды и заботы о православіи вмѣстѣ съ львовскимъ братствомъ. Онъ заботился о просвѣщеніи русскаго юношества, которое призывалось быть опорой православія и служить святой восточной церкви, хлопоталъ на сеймахъ объ облегченіи участи православныхъ и въ частности православнаго духовенства, которое подвергалось всяческимъ притѣсненіямъ со стороны польскихъ помѣщиковъ и самого правительства. Не смотря на то, что въ 1663 году онъ избранъ былъ въ кіевскіе митрополиты, но, оставшись жить не въ Кіевѣ, а въ Галицкой Руси, онъ, при помощи своего епископа (перемышльскаго) Георгія Гошовскаго, ревностно заботился о православной церкви не только въ перемышльской епархіи, но и во львовской. Со смертью Антонія въ 1679 г. на перемышльскую каѳедру вступилъ, (въ 1680 г.) тайный уніатъ—Иннокентій Винницкій, который въ 1691 году (23 іюня) уже открыто къ Варшавѣ произнесъ отъ имени своей паствы особое исповѣданіе вѣры и вступилъ въ унію съ римской церковію, а въ 1694 г. онъ писалъ папскому нунцію—кардиналу Барберини, что къ уніи присоединилось болѣе 800 церквей, болѣе 3,000 особъ изъ знати и нѣсколько сотъ тысячъ обыкновенныхъ смертныхъ [2]). Дальнѣйшіе успѣхи уніи въ перемышльской епархіи были дѣломъ ближайшаго будущаго послѣ того, какъ въ началѣ XVIII в. палъ и послѣдній оплотъ православія въ Галицкой Руси—львовское Успенское братство.

---

[1]) *Harasiewicz*, Annales ecclesiae ruthenae (Leopoli 1862), стр. 319.
[2]) А. *С. Петрушевичъ*, Сводная лѣт., стр. 674.

Третья живая сила, поддерживавшая православіе въ Галичинѣ послѣ брестской уніи, проявлялась въ тѣхъ или другихъ представителяхъ тогдашняго православнаго галицко-русскаго монашества, въ такихъ, напр., замѣчательныхъ представителяхъ его—какъ Іоаннъ Вишенскій, Іовъ Княгиницкій и др. Оба они современники и урожденцы Галичины, прошли монашескую школу на Аѳонѣ и явились на родину, пламенно ревнуя о пользѣ церкви православной, для борьбы противъ неимовѣрныхъ козней уніи и латинства. Первый изъ нихъ, Іоаннъ Вишенскій, правда, возвратился опять на Аѳонъ, но своими многочисленными посланіями и сочиненіями онъ неустанно поддерживалъ православныхъ, охраняя ихъ вѣру и опровергая дѣйствія ея враговъ. Живя и въ Аѳонскомъ уединеніи, онъ всегда готовъ былъ—по его собственнымъ словамъ—вмѣстѣ молиться съ своими любимыми русинами, страдать, плакать и быть въ постоянномъ общеніи, «если... не плотію, то вѣрою, любовію и духомъ». Но взамѣнъ этого онъ бесѣдовалъ съ ними въ своихъ посланіяхъ, убѣждая ихъ, «что есть наша простая восточныхъ вѣра и что другихъ отщепенцевъ хитрое безвѣріе» [1]). При этомъ онъ внушалъ имъ сознаніе своего неизмѣримаго превосходства надъ своими врагами и отступниками отъ православія. Онъ, напр., писалъ имъ: «мы, православные, утверждены на камнѣ, а не на пескѣ... Только у насъ—правда, у насъ—истинная вѣра, и только нашей вѣрой можно достигнуть жизни вѣчной» [2]). «Никакой вѣрой, кромѣ нашей—православной, спастись нельзя...» [3]). «Нашей истинной вѣры и врата адовы одолѣть не могутъ, всѣ блага міра сего прельстить не въ состояніи, ужасъ всевозможныхъ бѣдствій, мученій и смертей устрашить не могутъ... Только при исповѣданіи нашей вѣры уготовляются вѣнцы царства небеснаго за подвиги въ сей жизни... Таинства нашей вѣры весь міръ не можетъ вмѣстить, всѣ же прочія вѣры—ложь» [4]).

---

1) Предисловіе къ рукописному сборнику произведеній Іоанна Вишенскаго (см. „Кіевская Старина“ 1889 г., апрѣль. Приложеніе къ ст. *Мирона* „Іоаннъ Вишенскій“).

2) „Посланіе ко львовскому братству и прочимъ православнымъ южноруссамъ“ (Архивъ юго-зап. Россіи ч. I, т. I, стр. 26):.. „есмо на камени, а не на пескѣ самохвальныхъ видимыхъ похвалъ основани; и наша есть правда, наша истинная вѣра, наша же и по вѣрѣ жизнь вѣчная будетъ, которую да сподобитеся получити отъ Христа Бога желаю“.

3) Тамъ же, стр. 25: „ни единою вѣрою, кромѣ нашего православія изображенною, спастися не можемъ и не спасемъ“.

4) „Посланіе ко князю Василію Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Малой Россіи“ (Акты, относящіеся къ исторіи ю.

«Латинство, писалъ онъ, не стоитъ въ истинѣ, не повинуется, не вѣруетъ истинѣ, и не слушаетъ ея, и латиняне не могутъ назваться учениками Христа, основателя истины»...[1]). Іоаннъ Вишенскій подробно обличалъ заблужденія латинянъ и относительно Filioque, и ученіе о старѣйшинствѣ римской церкви, и о главенствѣ папы, и о чистилищѣ и пр. Рѣзкіе отзывы о латинствѣ вполнѣ понятны съ точки зрѣнія тогдашнихъ до жестокости несправедливыхъ отношеній латинянъ и уніатовъ къ православнымъ. Но несомнѣнно, что въ тонѣ увѣщаній Іоанна, обращенныхъ къ православнымъ, ясно выражалась его пламенная убѣжденность въ правотѣ и превосходствѣ православія какъ единой истинной вѣры. Онъ неоднократно пишетъ православнымъ: «Умоляю васъ, дайте мѣсто и крѣпкое основаніе православной вѣрѣ въ сердцѣ вашемъ... Пребывайте твердыми и непреклонными въ истинѣ и вѣрѣ... не внимайте латинской лжи, пестро украшенной, но въ простотѣ и истинѣ шествуйте, чтобы потомъ царствовать вамъ во вѣки со Христомъ и истиною... Добрыми дѣлами и благочестивой жизнью созидайте себѣ спасеніе, держитесь старой благочестивой вѣры, твердо держитесь преданій отеческой вѣры и не срамите благословенія отцовъ, скончавшихся въ старожитной вѣрѣ»... «Пусть латиняне фарисейски превозносятся, кичатся надъ нами и преслѣдуютъ насъ. Но мы будемъ терпѣть. Пусть насъ хулятъ, ругаются надъ нами, смѣются, гонятъ насъ... но мы станемъ со смиреніемъ переносить наше тяжелое положеніе и съ благодарностію нести крестъ нашъ... Пусть утѣшаетъ насъ то, что мы православные и правовѣрные... Будемъ же высоко держать знамя этого православія, будемъ поддерживать, утверждать его и насаждать его среди нашихъ ближнихъ писа-

---

и зап. Рос. II, 208—9): „Наша бо то истинная вѣра, которое и врамы пекелные не премогла и премочи не могутъ. Наша то истинная вѣра, которую блескъ свѣта сего прелестити не можетъ. Наша то истинная вѣра, которую страхъ бѣдъ и розмантыхъ утраненій и смертей устрашити не можетъ... Нашея то вѣры подвига въ жизни сей вѣнцы царства небесного уготованы суть... Бо нашея вѣры таинства увесь миръ вмѣстити не можетъ, иныіе же вѣры всѣ суть прелести".

[1]) „Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ, о заблужденіи отъ пути истиннаго и болѣзнехъ смертоноснаго мудрованія" (Акты ю. и зап. Рос., 255, 258): „Латина... не стоитъ въ истинѣ, не повинуется и не вѣруетъ истинѣ, ниже послушаетъ истины, нѣсть ученици Христовы, основателя истины". Ср. „Краткословный отвѣтъ Ѳеодула, въ святѣй афонстѣй горѣ скитствующаго" (*Голубевъ*, Кіевскій митр. Петръ Могила и его сподвижники, Кіевъ 1883 г. т. I, матеріалы. „Посланіе ко князю Острожскому"... (см. выше).

піями, наукой, печатаніемъ книгъ, учрежденіемъ училищъ и пожертвованіями отъ избытковъ нашихъ» [1])... Всѣ эти и другія подобныя пламенныя рѣчи должны были производить сильное впечатлѣніе на православныхъ: онѣ укрѣпляли ихъ въ вѣрѣ, зажигали огонь ревности о православіи и воодушевляли на неимовѣрно-трудный въ то время подвигъ борьбы противъ латинско-польскихъ козней и преслѣдованій.

Современникъ Іоанна Вишенскаго Іовъ (въ мірѣ Іоаннъ) Княгинницкій, прошедшій также монашескую школу на Аѳонѣ, въ началѣ XVII в. возвратился на родину и здѣсь подвизался на пользу православія до конца своей жизни, производя неотразимое вліяніе — какъ «праведный, непорочный и истинный» (по словамъ его житія) инокъ — на все окружавшее галицко-русское населеніе [2]). Не только на мѣстѣ своихъ постоянныхъ аскетическихъ подвиговъ въ Угорникѣ (имѣніи одного изъ православныхъ русскихъ вельможъ Адама Балабана), затѣмъ впослѣдствіи во вновь устроенномъ имъ Крестовоздвиженскомъ скитѣ на берегахъ рѣки Баторсова (возлѣ Манявы) онъ привлекалъ къ себѣ силою и славою своихъ подвиговъ, но и внѣ границъ своихъ постоянныхъ аскетическихъ подвиговъ онъ повсюду вносилъ сознаніе необходимости твердо держаться правой истинной вѣры и праведной жизни. «Къ нему — говоритъ авторъ его житія — какъ къ свѣтильнику стоящему на подсвѣчникѣ начали стекаться многіе изъ иноковъ и мірянъ, желая съ нимъ жить и душу свою спасти... Онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, изъявлявшихъ это желаніе и дававшихъ обѣщаніе терпѣливо раздѣлять вмѣстѣ съ нимъ подвижничество принималъ, остальныхъ же «поучивъ и наказавъ» отпускалъ обратно [3]). Онъ по приглашенію побывалъ въ

---

[1]) „Краткословный отвѣтъ Осодула, въ святѣй аѳонстѣй горѣ скитствующаго“ (*Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, т. I, матеріалы, стр. 112—113): „Пусть нынѣ латыни фарисейски хвалятъ; пусть въ богатствѣ съ онымъ богатымъ гобзуютъ, а мы православные терпимъ, а мы похулени, поруганы и посмѣяны будемъ, а мы бѣднимъ и алчемо; а мы смиряймося и понижаймо; а мы не погорнимося, если и во умиленіе приходимо, по благодарнѣ сей крестъ нѣсимо... Досыть намъ на томъ коли мы православни и православни, досыть намъ вѣдати о собѣ и о своихъ намъ единогласныхъ и присныхъ: тѣхъ утверженаемо и воспоминаймо вѣдомостью нашего православія, писаніемъ, наукою, друкованіемъ книгъ, училищи, и довольствъ отъ избытковъ нашихъ“...

[2]) „Житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Іова и о скончаніи его, и о составленіи святыя обители Скитскыя, въ кратцѣ списано“ (Зоря Галицкая, яко альбумъ на 1860 г. Львовъ, стр. 227).

[3]) „Житіе“ и пр. (см. выше), стр. 232: „...къ нему миоли, яко свѣтильнику на свѣщницѣ стоящу, отъ иноковъ и мирскихъ, хотяще съ нимъ

разныхъ монастыряхъ юго-западной Руси для исправленія монастырской жизни: въ Уневской обители, Дерманскомъ монастырѣ (на Волыни), въ Кіево-Печерской лаврѣ и пр. По смерти львовскаго еп. Гедеона Балабана онъ ѣздилъ по Галичинѣ, принимая самое горячее участіе въ дѣлахъ осиротѣвшей епархіи, предохраняя паству отъ латинско-уніатскихъ козней, убѣждая священниковъ, дворянъ и простыхъ гражданъ твердо держаться восточной церкви, и пр. Основанная имъ обитель Крестовоздвиженская — Скитская или иначе—скитъ Манявскій хранилъ преданія своего основателя до тѣхъ поръ, пока въ концѣ прошлаго столѣтія обитатели этого монастыря, бывъ изгнаны австрійскимъ правительствомъ, не разсѣялись по разнымъ монастырямъ православнымъ заграницей (1783 г.) и особенно въ Россіи.

Кромѣ указанныхъ представителей иночества, Галичина того времени выдвинула еще одного знаменитаго подвижника Іова Желѣзо, который, будучи родомъ изъ галицкаго Покутья и начавъ свою строго-подвижническую жизнь въ Галичинѣ (въ Угорницкомъ монастырѣ), продолжалъ и окончилъ ее праведно (1651 г.) въ Почаевскомъ монастырѣ, гдѣ и почиваютъ его цѣлебныя мощи [1]). Сюда и доселѣ стекаются массами русскіе галичане, не смотря на всѣ грозныя предостереженія пограничнаго австрійско-польскаго карантина и другія всевозможныя репрессаліи.

Наконецъ, самую многочисленную и внушительную силу въ борьбѣ противъ брестской уніи, въ теченіе цѣлаго XVII столѣтія и еще далѣе, представлялъ православный галицко-русскій народъ въ тѣсномъ союзѣ съ своею первоначально-православною іерархіей, львовскимъ братствомъ, окрыляемый и ободряемый живыми преданіями своей родной православной старины. Въ свою очередь и передовые борцы за православіе почерпали силу и опору для своей безкорыстной дѣятельности въ живой народной вѣрѣ, которая не хотѣла знать никакихъ компромиссовъ съ совѣстію и съ житейскими удобствами: «никакая прелесть міра» не могла поколебать ихъ въ вѣрѣ отцовъ. Когда при польскомъ королѣ Владиславѣ IV (1632—48) от-

---

жительствовати и душа своя спасти... онъ же яко чадолюбивый отецъ молящихъ его, и обѣщавшихся съ нимъ страданіе понести трпѣливно съ послушаніемъ пріимаше, прочіи же научивъ и наказавъ, въспять отсылаше"...

[1]) *Хойнацкій*, Преподобный Іовъ, игуменъ почаевскій, стр. 5—6, Житіе Іова Желѣза, 1—4.

крылись казацкія войны, то галицко-русскій народъ подъ знаменемъ православной вѣры съ радостію шелъ противъ своихъ угнетателей и беззавѣтно боролся за свое духовное наслѣдіе. Только тогда, когда онъ былъ оставленъ своими духовными вождями и руководителями, онъ пошелъ за ними, не зная сущности того, что обманомъ и хитростію ему предлагали. Такъ, когда львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій въ 1700 г. поѣхалъ въ Варшаву за «уніей», то народъ въ недоумѣніи ожидалъ, какую привезетъ съ собою «унію» епископъ. И когда епископъ возвратился во Львовъ, то многочисленная, стоявшая около епископскаго дома, толпа приняла за «унію» того рѣдкаго пуделя, котораго привезъ съ собою Шумлянскій изъ Варшавы. Испуганная отъ этого зрѣлища толпа мгновенно разбѣжалась и потомъ въ простодушіи говорила, что «пріѣхалъ владыка и привезъ съ собою косматую унію, которая и ворчитъ и лаетъ» [1]). Но какъ бы то ни было, съ паденіемъ послѣднихъ оплотовъ православія въ Галичинѣ (съ принятіемъ уніи іерархіей и львовскимъ братствомъ), и народъ формально признанъ былъ уніатскимъ. Однако, сознаніе уніи было ему чуждо долгое время и до нѣкоторой степени остается чуждымъ и доселѣ. Львовскій уніатскій епископъ Левъ Шептицкій еще въ 1761 г. писалъ папѣ, что на окраинахъ Галицкой Руси «есть много людей столь упрямаго нрава, что не принимаютъ съ усердіемъ истинной вѣры... нѣкоторые изъ нихъ убѣгаютъ къ пограничнымъ схизматикамъ и къ нимъ обращаются въ своихъ церковныхъ нуждахъ и для исповѣданія своихъ грѣховъ» [2]). И дѣйствительно, въ Подоліи православіе, не смотря на всѣ преслѣдованія, сохранялось въ народѣ до самаго возсоединенія ея съ Россіей въ 1793 г. [3]), а Скитскій монастырь (православный) въ Галичинѣ продолжалъ существовать до 1783 г.

Но народное сознаніе не мирится скоро съ внутренними глубокими переворотами: сознаніе уніи у червонороссовъ не проникло въ глубь ихъ жизни. Въ этомъ легко убѣдится вся-

---

[1]) *Зубрицкій*, Лѣт. льв. братства, подъ 1700—1701 г.

[2]) *Головацкій*, Львовская русская епархія передъ стома лѣты по донесенію, поданному до римской куріи преосвященнѣйшимъ Львомъ Шептицкимъ (Львовъ 1860 г.). Ср. Зоря Галицкая, яко альбумъ, стр. 267. 268: („...въ сторонахъ особенно смежныхъ съ иностранными державами находятъ многіе столь упрямаго нрава, що не принимаютъ съ рачительностію истинной вѣры... Другіи къ пограничнымъ схизматикамъ возвращаютъ, къ нимъ въ дѣлахъ богомолія или къ исповѣди своихъ грѣховъ“...

[3]) Подолія, изд. *Батюшкова* (Спб. 1891), стр. 104—106, 171.

кій, кто захотѣлъ бы посмотрѣть и на современную дѣйствительность галицко-русской жизни. Народъ не знаетъ существа уніи: онъ продолжаетъ упорно отвѣчать на вопросъ о его вѣрѣ, что онъ именно «русской вѣры», и потому такъ охотно спѣшитъ къ православнымъ святынямъ за рубежемъ въ Почаевъ, Кіевъ и др. священныя для православныхъ мѣста, подобно тому, какъ и ранѣе онъ въ предѣлахъ Россіи охотно возвращался въ православіе, напр., при возсоединеніи уніатовъ при Екатеринѣ II, императорѣ Николаѣ I и при Александрѣ II, за небольшимъ исключеніемъ фанатиковъ упорствующихъ. Цѣлые милліоны тогда возвращались къ вѣрѣ своихъ отцовъ, не колеблясь и не жалѣя межеумочнаго положенія въ уніи. Тоже самое, если придетъ исполненіе временъ, можетъ случиться и въ Галичинѣ, не смотря на ужасный польско-австрійскій гнетъ, испытываемый нашими соплеменниками. Но когда настанетъ этотъ моментъ,—одному Богу извѣстно. Съ своей стороны, мы должны молиться и желать скорѣйшаго наступленія этого момента, желать и дѣйствовать въ пользу этой идеи. Но какъ и какими средствами дѣйствовать? Вопросъ этотъ предрѣшается отчасти формами и видами исторической борьбы русскихъ галичанъ въ защиту православія. Но эти формы и виды имѣютъ непосредственное отношеніе развѣ только къ самой Галичинѣ, будучи недоступны и непримѣнимы внѣ ея границъ. Пусть сами русскіе галичане вспомнятъ завѣты своихъ славныхъ предковъ, напр.: львовскаго братства, которое не жалѣло ни матеріальныхъ средствъ, ни личныхъ усилій, чтобы спасти духовное наслѣдіе отцовъ. Пусть припомнятъ завѣты своихъ православныхъ епископовъ, до послѣдней крайности боровшихся за православіе и заклинавшихъ свою вѣрную паству не отступать отъ православной вѣры; пусть вспомнятъ пламенныя рѣчи своихъ православныхъ иноковъ, горѣвшихъ беззавѣтною любовію къ своей вѣрѣ православной и вдохновлявшихъ другихъ на подвигъ крѣпкаго стоянія въ православіи въ вѣкъ новыхъ противъ нея гоненій, преслѣдованій, насилій и пр. Пусть вспомнятъ все это, и въ слезахъ умиленія предъ своимъ славнымъ прошлымъ, можетъ быть, найдутъ новыя не менѣе дѣйствительныя средства для возвращенія на путь болѣе правильной и болѣе счастливой жизни въ будущемъ.

Что же дѣлать намъ—зарубежнымъ братьямъ унижаемыхъ и оскорбляемыхъ сыновъ Червонной Руси? Что дѣлать намъ, если мы

видимъ, что червонорусс сдѣлался жертвою польско-еврейской эксплоатаціи въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, польско-іезуитскихъ вліяній въ сферѣ религіозныхъ и вообще культурныхъ отношеній и т. д.? Мы видимъ, что народъ экономически постепенно раззоряется и бѣжитъ массами безъ оглядки даже въ Америку [1]), политически становится все безправнѣе и отчаяннѣе, не смотря на призрачныя гарантіи мертвой конституціонной хартіи; надъ нимъ совершаютъ такъ сказать вивисекцію и въ культурномъ отношеніи, вводя въ галицко-русскую литературу правописаніе т. н. фонетическое («пиши такъ, какъ говоришь») и удаляя ее такимъ образомъ отъ общаго съ нами историческаго корня. Мы видимъ, что теперь усиленнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, стремятся внѣдрить въ сознаніе русскихъ галичанъ понятіе объ уніи какъ переходной ступени къ сліянію съ латинствомъ. Русскіе уніатскіе монастыри уже отданы для реформированія іезуитамъ; для воспитанія уніатскаго духовенства вырабатываются новые латинизаторскіе планы, недалеки кажется отъ мысли популяризировать идею и о неженатомъ бѣломъ духовенствѣ и т. д. и т. д. И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ, какъ бы апоѳеозомъ всѣхъ польско-іезуитскихъ махинацій служитъ отпразднованный юбилей 300-лѣтія брестской уніи—какъ закрѣпленіе всего доселѣ сдѣланнаго въ Галицкой Руси съ цѣлію объединенія ея съ католическою Польшею, которая уже формируется въ болѣзненно-пылкомъ воображеніи поляковъ какъ близкій къ осуществленію идеалъ будущаго. Итакъ, изъ Галицкой Руси враги ея подготовляютъ матеріалъ для будущей Польши. Неужели мы можемъ быть равнодушными ко

---

[1]) Еще въ 1609 г. львовское братство, отправляя своихъ пословъ на сеймъ въ Варшаву, поручило имъ просить короля о дарованіи православнымъ правъ, которыми пользовались поляки, а буде онъ не согласится на это, то просить его объ уравненіи въ правахъ съ армянами и—въ крайнемъ случаѣ—если не удовлетворитъ этой просьбы—просить объ уравненіи съ евреями... „А если бы, сохрани Богъ, насъ не захотѣли уравнять въ правахъ даже съ жидами, то ужъ нечего и дѣлать! Тогда остается только просить о выдачѣ пропускной грамоты для переселенія въ Молдавію“ (См. *Голубевъ*, Матеріалы въ „Чтен. общ. лѣтоп. Нестора“, кн. 5, стр. 211: „А если бы, бронь Боже, и такъ не хотѣло, якъ жидомъ волности намъ допуттити рады не машъ: только волного листу о перестя до Волохъ набыть просити“...). Правда, на сеймѣ тогда издано постановленіе, запрещавшее уніатамъ и латинянамъ притѣснять православныхъ подъ страхомъ денежнаго штрафа въ 10.000 польскихъ злотыхъ. Но это постановленіе, конечно, не исполнялось, какъ не и исполняются теперешнія постановленія конституціонной хартіи, якобы обезпечивающія законныя права галицко-русскаго народа.

2007059163